

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 38 (1149).

Суббота, 8 сентября 1945 г.

Цена 45 коп.

Обращение тов. И. В. Сталина к народу

Товарищи!

Соотечественники и соотечественницы!

Сегодня, 2 сентября, государственные и военные представители Японии подписали акт безоговорочной капитуляции. Разбитая наголову на морях и на суше и окруженная со всех сторон вооруженными силами Объединенных Наций, Япония признала себя побежденной и сложила оружие.

Два очага мирового фашизма и мировой агрессии образовались накануне нынешней мировой войны: Германия — на западе и Япония — на востоке. Это они развязали вторую мировую войну. Это они поставили человечество и его цивилизацию на край гибели. Очаг мировой агрессии на западе был ликвидирован четыре месяца назад, в результате чего Германия оказалась вынужденной капитулировать. Через четыре месяца после этого был ликвидирован очаг мировой агрессии на востоке, в результате чего Япония, главная союзница Германии, также оказалась вынужденной подписать акт капитуляции.

Это означает, что наступил конец второй мировой войны.

Теперь мы можем сказать, что условия, необходимые для мира во всем мире, уже завоеваны.

Следует отметить, что японские захватчики нанесли ущерб не только нашим союзникам — Китаю, Соединенным Штатам Америки, Великобритании. Они нанесли серьезнейший ущерб также и нашей стране. Поэтому у нас есть еще свой особый счет к Японии.

Свою агрессию против нашей страны Япония начала еще в 1904 году во время русско-японской войны. Как известно, в феврале 1904 года, когда переговоры между Японией и Россией еще продолжались, Япония, воспользовавшись слабостью царского правительства, неожиданно и вероломно, без объявления войны, — напала на нашу страну и атаковала русскую эскадру в районе Порт-Артура, чтобы вывести из строя несколько русских военных кораблей и создать, тем самым, выгодное положение для своего флота. И она действительно вывела из строя три первоклассных военных корабля России. Характерно, что через 37 лет после этого Япония в точности повторила этот вероломный прием в отношении Соединенных Штатов Америки, когда она в 1941 году напала на военно-морскую базу Соединенных Штатов Америки в Пирл-Харборе и вывела из строя ряд линейных кораблей этого государства. Как известно, в войне с Японией Россия потерпела тогда поражение. Япония же воспользовалась поражением царской России для того, чтобы отхватить от России южный Сахалин, утвердиться на Курильских островах и, таким образом, закрыть на замок для нашей страны на Востоке все выходы в океан — следовательно, также все выходы к портам советской Камчатки и советской Чукотки. Было ясно, что Япония ставит себе задачу отторгнуть от России весь ее Дальний Восток.

Но этим не исчерпываются захватнические действия Японии против нашей страны. В 1918 году, после установления советского строя в нашей стране, Япония, воспользовавшись враждебным тогда отношением к советской стране Англии, Франции, Соединенных Штатов Америки и опираясь на них, — вновь напала на нашу страну, оккупировала Дальний Восток и четыре года терзала наш народ, грабила советский Дальний Восток.

Но и это не все. В 1938 году Япония вновь напала на нашу страну в районе озера Хасан, около Владивостока, с целью окружить Владивосток, а в следующий год Япония повторила свое нападение уже в другом месте, в районе Монгольской Народной Республики, около Халхин-Гола, с целью прорваться на советскую территорию, перерезать нашу Сибирскую железнодорожную магистраль и отрезать Дальний Восток от России.

Правда, атаки Японии в районе Хасана и Халхин-Гола были ликвидированы советскими войсками с большим позором для японцев. Равным образом была успешно ликвидирована японская военная интервенция 1918—22 годов, и японские оккупанты были выброшены из районов нашего Дальнего Востока. Но поражение русских войск в 1904 году в период русско-японской войны оставило в сознании народа тяжелые воспоминания. Оно легло на нашу страну черным пятном. Наш народ верил и ждал, что наступит день, когда Япония будет разбита и пятно будет ликвидировано. Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня. И вот, этот день наступил. Сегодня Япония признала себя побежденной и подписала акт безоговорочной капитуляции.

Это означает, что южный Сахалин и Курильские острова отойдут к Советскому Союзу и отныне они будут служить не средством отрыва Советского Союза от океана и базой японского нападения на наш Дальний Восток, а средством прямой связи Советского Союза с океаном и базой обороны нашей страны от японской агрессии.

Наш советский народ не жалел сил и труда во имя победы. Мы пережили тяжелые годы. Но теперь каждый из нас может сказать: мы победили. Отныне мы можем считать нашу отчизну избавленной от угрозы немецкого нашествия на западе и японского нашествия на востоке. Наступил долгожданный мир для народов всего мира.

Поздравляю вас, мои дорогие соотечественники и соотечественницы, с великой победой, с успешным окончанием войны, с наступлением мира во всем мире!

Слава вооруженным силам Советского Союза, Соединенных Штатов Америки, Китая и Великобритании, одержавшим победу над Японией!

Слава нашим дальневосточным войскам и тихоокеанскому военно-морскому флоту, отстаившим честь и достоинство нашей Родины!

Слава нашему великому народу, народу-победителю!

Вечная слава героям, павшим в боях за честь и победу нашей Родины!

Пусть здравствует и процветает наша Родина!

УКАЗ

Президиума Верховного Совета СССР Об объявлении 3 сентября Праздником Победы над Японией

В ознаменование победы над Японией установить, что 3 сентября является днем всенародного торжества — ПРАЗДНИКОМ ПОБЕДЫ над Японией.
3 сентября считать нерабочим днем.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. КАЛИНИН.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. ГОРКИН.

Москва, Кремль. 2 сентября 1945 г.

ОТНЫНЕ МЫ МОЖЕМ СЧИТАТЬ НАШУ ОТЧИЗНУ
ИЗБАВЛЕННОЙ ОТ УГРОЗЫ НЕМЕЦКОГО НАШЕСТВИЯ НА ЗАПАДЕ
И ЯПОНСКОГО НАШЕСТВИЯ НА ВОСТОКЕ. НАСТУПИЛ
ДОЛГОЖДАННЫЙ МИР ДЛЯ НАРОДОВ ВСЕГО МИРА.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О Почетном Знаке Лауреата Сталинской премии

Во изменение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 сентября 1943 г. «Об учреждении Почетного Знака Лауреата Сталинской премии» Президиум Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик постановляет:

1. Утвердить новый образец Почетного Знака Лауреата Сталинской премии.
2. Утвердить описание нового Почетного Знака Лауреата Сталинской премии.
3. Установить, что Почетный Знак Лауреата Сталинской премии носится на правой стороне груди выше орденов и медалей СССР.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. КАЛИНИН.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. ГОРКИН.

Москва, Кремль. 1 сентября 1945 г.

ОПИСАНИЕ ПОЧЕТНОГО ЗНАКА ЛАУРЕАТА СТАЛИНСКОЙ ПРЕМИИ

1. Почетный Знак Лауреата Сталинской премии имеет вид правильного круга диаметром 25 мм, толщиной 2 мм.
для лауреатов Сталинской премии первой степени — из золота;
для лауреатов Сталинской премии второй степени — из серебра с золотым барельефом;
для лауреатов Сталинской премии третьей степени — из бронзы с серебряным барельефом.
2. На лицевой стороне Почетного Знака в центре барельеф товарища Сталина в профиль, окаймленный снизу и справа лавровой ветвью.
3. Почетный Знак соединен при помощи ушка и колечка с прямоугольной пластинкой высотой 15 мм, и шириной 24 мм. Внутренняя часть пластинки покрыта красной муаровой лентой. На оборотной стороне пластинки имеется стальная булавка для прикрепления Почетного Знака к одежде.

На оборотной стороне медали надпись: «Лауреат Сталинской премии» и год учреждения Сталинской премии.

2. Почетный Знак Лауреата Сталинской премии изготавливается:

От московских писателей

Генералиссимусу Советского Союза И. В. СТАЛИНУ

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Советские писатели с чувством глубокой радости слушали Вашу историческую речь, возвестившую народу о полном военном разгроме японского империализма и наступлении мира для народов всего мира.

Героическая Красная Армия и советский народ, руководимые великим вождем, гениальным полководцем Генералиссимусом Советского Союза товарищем Сталиным, обеспечили этот долгожданный мир. Победоносно завершена война, затеянная кровавыми агрессорами. Наша Родина избавлена от угрозы немецкого нашествия на Западе и японского нашествия на Востоке. Спасена мировая цивилизация, сокрушены, повержены в прах разбойничьи планы немецких и японских империалистов, мечтавших поработить человечество, потрутить его во мрак средневековья, варварства.

Много ущерба причинили нашей Родине японские хищники. Пользуясь слабостью царской России, сорок лет тому назад влиятельные самураи напали на нашу Родину, захватили русские земли. Советский народ навсегда смыл черное пятно поражения, нанесенного царской Россией. Советский народ, воспитанный Вами,

товарищ Сталин, возвылил в веках бессмертную славу русского оружия.

В тяжелые годы войны с немецким фашизмом наш народ с беззаветным героизмом отдавал все свои силы делу священной, справедливой борьбы и уверенно смотрел в будущее. В единении народа с вождем крепла эта уверенность. «Мы победим» — говорили миллионы советских людей, ибо «наше дело правое», ибо нами повседневно руководит великий Сталин. И сейчас, когда каждый из нас может сказать: «Мы победили». Ваше имя у всех на устах. Оно зовет нас к новым и новым величественным подвигам на поприще труда и культуры. Под Вашим руководством советский народ будет зачищать раны, нанесенные нашей стране войной, осуществлять грандиозные программы строительства на благо нашей Родины. С гордостью, восхищением и благодарностью обращены к Вам, Иосиф Виссарионович, взоры сынов нашей славной Советской Родины, взоры всех передовых людей земного шара.

Пусть живет и здравствует долгие годы на счастье советского народа наш великий, вождь родной Иосиф Виссарионович Сталин!

Президиум собрания московских писателей.

Слава нашему великому народу, народу-победителю! Пусть здравствует и процветает наша Родина!

Митинг в Союзе советских писателей СССР

А. ТВАРДОВСКИЙ

Великие итоги нашей борьбы

События, которым посвящен наш митинг, трудно сразу осмыслить, и тем более трудно выразить словами свои чувства. Речь идет о судьбах мира, об особом повороте в жизни народов всей планеты. Шесть лет и один день второй мировой войны, которая в свою очередь втянула за малым исключением весь мир, очень дорого стоили человечеству. Когда мы говорим об этом, то обращаемся, естественно, к судьбе советского народа. В эти разнородные дни памяти невольно воскресает недавнее суровое прошлое. Страшно было глядеть на карту родины в 1942 году.

Но мы не только отстояли свою независимость и разгромили противника на Западе и на Востоке, мы вышли из борьбы еще более могучими, сильными. Таков знаменательный факт, великий итог нашей борьбы. От нас требуется сейчас работа еще более самоотверженная, более горячая. И я закляну мое краткое выступление пожеланием работать лучше, темпераментнее и благороднее.

А примером того, как надо работать, всегда будет нам служить самый великий воин из всех воинов и самый великий труженик из всех тружеников — товарищ Сталин, о котором мы думаем с признательностью и любовью, когда говорим о нашей победе.

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

Быть достойным подвига народа

В воскресенье говорил товарищ Сталин, и у каждого из нас было такое ощущение, будто кончилась одна эпоха и наступила другая. И это, конечно, верно. Когда наша страна победила Германию, мы понимали, что это еще не полный мир, пока пылают очаги агрессии на Дальнем Востоке. Но мы твердо знали, что долгожданный мир будет завоеван. И мы думали тогда о сталинской стратегии, о нашем гениальном походе.

Когда на Эльбе встречались мы с американцами, поздравляли друг друга с победой, мы говорили — это еще не мир. Американцы спрашивали нас: «Ну, как — будете воевать на Дальнем Востоке?». И мы отвечали спокойно и твердо: «Наша армия и наша страна сделают для мира все и добьются мира во всем мире». И вот Красная Армия вступила в войну с Японией. Была эта война очень короткой. И это — одно из величайших проявлений сталинской мудрости, сталинского гения, который сумел подготовить во время труднейшей войны на Западе короткий и сокрушительный удар на Востоке.

Теперь наступает новая эпоха, наступает эпоха великого расцвета культуры, искусства, нашего трудового и почетного ремесла. И когда думать об этом, то хочется только одного: думать в своей работе, в своем труде достойным того подвига и того труда, который совершил наш народ под руководством вождя.

Иллюстрация художника В. Щеглова к книге С. Михалкова «Родина награждает» (Детгиз).

М. МОРОЗОВ Пьесы Горького в США

«Я счастлив, что человечество имеет в среде своей Максима Горького», — писал Гюлсуори. «Горький», — писал Герберт Уэлс, — играет очень большую роль в том, что может быть названо воспитанием сознания. Эпос Синклер, который по собственному признанию, «учился у Горького», назвал его «великим борцом за человеческую свободу». Т. Драйвер — борцом за «мир, в котором нет насилия». «Великим произведением» назвал «Фому Гордеева» Джек Лондон. Произведения Горького уже давно переводятся на английский язык, и уже давно Горький стал всемирно знаменитым писателем.

С каждым годом все громче раздаются положительные и восторженные отзывы о Горьком. Гендерсон в своей книге «Современный роман» (Лондон, 1936) восхваляет цельность Горького: «Он прошел через эпоху архаизации, не изменив своего культурного строительства своей родины». Автор книги называет Горького «отцом новой советской литературы». Большой знаток истории театра и драматургии, американский профессор Эдлерг Никель приписывает Горькому, автора «На дне», награду с Львом Толстым («Власть тьмы», «Живой трутень»), как основоположника «нового реализма» в драматургии. Профессор Калифорнийского университета Нойес включил «На дне» в свою известную антологию «Шедевры русской драматургии» (1943). Автор книги о советском театре, американский профессор Дана, говорит о Горьком, как о «образцовой революции». По мнению Дана, Горький в «На дне», прежде всего указал на «потенциальную силу, заключенную в человеке». Напомним, наконец, замечательную ревью покойного Ральфа Фокса, произнесенную им на собрании, посвященном памяти Горького, в Лондоне в 1936 г. «Горький», — говорил Фокс, — любим всеми, кто ведет ту же борьбу за человечество, которую вел он. Многие, по словам Фокса, — прочитают Горького, впервые начали мыслить. Гориче чувствительны к Горькому как к великому отражению в этой реви. Фокс цитирует слова о Горьком, сказанные работницей одной из лондонских фабрик: «Как грустно думать, когда так много людей любят тебя».

«Seven Plays of Maxim Gorky». Translated by Alexander Bakshy in collaboration with Paul S. Nathan. Yale University Press, 1945.

Да, Горький — один из гениев мировой литературы. Эта истина становится все очевиднее многим и многим американским и английским читателям. И все же тут остается одно очень трудное предостережение: далеко не все пьесы Горького переведены на английский язык (больше половины Горькогой переводов, очень плохих на английский язык, — заметил Ральф Фокс).

Только что вышли в США переводы семи пьес Горького. Автор этих переводов — Александр Бакин в сотрудничестве с Полем Натаном. Изданы они Издательским университетом (США) отдельной книгой. В нее вошли «На дне», «Варвары», «Бригад», «Чужаки», «Васса Железнова», «Зыбкая», «Егор Булычев и другие». Кроме пьесы «На дне», которая уже несколько раз переводилась на английский язык, остальные, насколько нам известно, появляются на английском языке впервые.

Нам кажется, что вообще неправильно говорить о переводе, как о чем-то едином, равно по методам и по самим задачам, которые ставит перед собой переводчик. Кто-то ставил переводы с планетами, горичи лишь отраженным светом. Это, конечно, далеко не всегда так. Имеются переводы, которые как бы горят собственным светом, своим собственным подлинным, сколько воссоздают его, являются как бы самостоятельными, сходными с подлинником существами. В таких переводах всегда можно узнать творческое лицо переводчика, который является в известной мере соавтором переводимого им писателя или поэта и сам непременно должен быть писателем или поэтом. Крайний предел этого пути — «вольное подражание» подлиннику. Не следует с этим существовать и должны существовать переводы, стремящиеся, главным образом, к семантической точности, к отражению смыслового содержания каждой детали. Здесь от переводчика прежде всего требуется быть превосходным лингвистом. Крайний предел этого пути — научный «сводничек» смыслового содержания.

Серьезная, вдумчивая работа Александра Бакина принадлежит скорее ко второму из двух описанных нами видов перевода. Вместе с тем она имеет и значительные литературные достоинства. Язык перевода — ясный, простой. Александр Бакин несомненно знает русский язык в совершенстве. В частности, он — знаток языка Горького: за перевод Горького он берет не впервые и уже написаны в 1945 году переводы нескольких пьес Горького. Сравним текст подлинника с переводом, нам не удалось обнаружить ни одной сколько-нибудь резко бросающейся в глаза ошибки, ни одной небрежности. К самым своеобразным, колоритным словам и оборотам Горького мы найдем в переводе до конца «раскрытые», логически ясные параллели, как в восходящем толковом словаре. Даже там, где Горький преднамеренно не договаривает, где у него скорее интонация, а не цвет, переводчик обычно развешает читателю до конца. Мысль Горького — вот что прежде всего передает этот перевод. И не столько живой трепет и разнообразие интонаций созданных Горьким действительных лиц, сколько общность их характеристик, опят, так, если можно так выразиться, в плане мысли — отражены в этом переводе. Горький здесь меньше увлечен и захватит, чем в подлиннике. Но, как и в подлиннике, он заставит внимательного читателя задуматься, разбудит и направит его мысль.

Образные выражения и идиомы часто переданы буквально. Например, в подлиннике: «и теперь уж ни за что пелых разок под венец не пойду» («На дне»); в переводе: «не пойду к алтарю, даже если мне да-

дут сто вареных раков». Иногда русский оборот передан соответствующим американским идиомом, но с большой осторожностью, избегая «слэнга» и слишком определенных «американизмов». Погорьки в рифму, например, «Все хотят поюзать, да разума нехватает» («На дне») обычно переведены очень точно и также в рифму.

Обычно недостаток перевода является, как нам кажется, некоторая его многословность. Ведь Горький необыкновенно лаконичен в выражении своих мыслей — лишнее слова не скажет. Переводчику следовало бы объяснить в примечаниях «говорящие» прозвища и фамилии — например, Клец, Коль, отставной солдат. Да и такие фамилии, как, например, Костелет, Медведет, Пелет, Бубнов, выбранны Горьким, конечно, не случайно.

Чувство разочарования и даже недоумения вызывает написанное переводчиком предисловие к книжке. С одной стороны А. Бакин подчеркивает величие Горького, как художника, создавшего целую галерею живых человеческих образов, говорит об их «монументальности» и «трагической красоте». Он правильно указывает на художественную ценность тех критиков, которые не понимают этого величия. Но, с другой стороны, в предисловии мы встречаемся с перепевом темы, весьма типичной для части американской литературной критики. А. Бакин вслестки старается доказать, что художественное творчество Горького само по себе, а идеология — сама по себе. Мы не будем опровергать столь абсурдную «концепцию». Лучшим опровержением являются, в конце концов, переводы, печатающиеся в той же книжке.

Последнее недоумение вызывает следующая фраза: «Величие Горького, как драматурга, все еще ждет своего признания в России, где его главным образом ценят, как критика буржуазного общества». Это просто грубая фактическая ошибка. Всему миру известно, что в нашей стране Горький любим миллионами, которые видят в нем писателя, глубоко веровавшего в человека, в силу разума. Что же касается художественной оценки Горького, как драматурга, то об этом красноречиво говорят хотя бы замечательные постановки пьес Горького во многих и многих наших театрах.

Странно, что в предисловии, написанном в 1945 году, — в год победы свободных народов над фашизмом, — ничего не сказано о Горьком, как борце против фашизма, о Горьком, ненавидевшем эти «вспышки мысли под черепом» и с самого начала увидевшем в фашизме «бред и агонию смертельно больного», а в его «теориях» — «единично обожженную проповедь вооруженного грабежа».

К серьезным недостаткам книги следует отнести и то, что в ней печатан лишь первый вариант «Вассы Железновой». Простая объективность требовала опубликовать в столь солидном издании обоих вариантов.

Но вернемся, в заключение, к самым переводам. Они несомненно являются шагом вперед на пути более глубокого ознакомления американского читателя с творчеством Горького и, надо надеяться, заинтересуют многообразным богатством этого творчества американский театр, а быть и то, кино. Сиграют они и другую роль. Очень не хватает серьезной научной монографии о Горьком на английском языке. Недостаток и вдумчивых критических статей об его творчестве. Для будущих исследователей творчества Горького в США эти переводы являются ценным пособием.

Вместе со всей страной советские писатели празднуют блестящую победу Красной Армии над японским агрессором. 4 августа в Союзе писателей состоялся митинг, посвященный разгрому Японии и окончанию второй мировой войны.

Сталин привел нас к победе, к миру!

З сентября вся наша страна торжествовала по случаю полной победы над фашистской Японией.

Вслед за разгромом гитлеровской Германии наша Красная Армия и Красный Флот ринулись в прорыв второй охват фашизма — на Восток.

«Отныне мы можем считать нашу отчину избавленной от угрозы немецкого нашествия на западе и японского нашествия на востоке. Наступил долгожданный мир для народов всего мира».

В эти славные дни мысль наша невольно устремляется к далекому прошлому, когда сорок лет назад, хищническая Япония втянула, без объявления войны, напала на нашу страну.

Кто, подобно людям нашего поколения, был свидетелем переживаний солдат, рабочих и крестьян, возвращавшихся с полей Маньчжурии, тот знает, с какой тягостно на сердце приняла тогда народ весть о поражении в русско-японской войне.

В 1918 году, после установления советского строя в нашей стране, та же рабочая Япония вновь напала на нас, вторглась на Дальний Восток, стремилась обесшарить наш народ, захватить Дальневосточный край и Восточную Сибирь, разгромить наше освободительное движение.

Я вместе с многими другими товарищами находился тогда в Сибири, участвуя в работе партийных и советских ее организаций. И нам, занятым борьбой с белогвардейцами и интервентами, каждый удар Японии с востока поистине был ударом в спину!

Но, как ни была сурова обстановка тех лет, наш народ, наша молодая Красная Армия справились с японскими захватчиками и вытеснили их из районов Дальнего Востока.

Однако, как известно, Япония на протяжении всех последующих десятилетий, когда советский народ занят был мирным стро-

ительством, бржала оружием на наши границы. И не только бржала, но и позволяла себе бешеные наскоки и вылазки. Однако Россия была уже не прежней: Япония навеки запомнит наши уроки в районе озера Хасан, Халхин-Гола и нынешний грозный урок, когда под сокрушительными ударами Красной Армии армия — победительница, страна «восходящего» фашизма стала на колени.

В день всенародного торжества каждый из нас, товарищи, с горячо бьющимся сердцем слушал обращение к народу слова великого нашего вождя, нашего родного Иосифа Виссарионовича Сталина.

Счастливы поколения, живущие в эпоху Сталина и нет слов, которыми мы могли бы вполне выразить ему, вождю и учителю, наше преклонение и преданность, наше восхищение его орлиной зоркостью и крепостью его руки.

Мы славим полководческий гений Сталина, его несравненный в истории революций организаторский дар, мы славим величайший труд нашего вождя, нашего коммюна, который вел и привел к берегам победы наш государственный корабль.

Снова нашему народу открыт путь мирного строительства социалистического хозяйства, социалистической культуры.

Перед нами, советскими писателями, встают задачи, мысль о которых должна наполнять наше сознание святою тревогой.

Зачем тогда, товарищи, осмысливать только что пережитые события во всем их величии! А вперед — новые славные дела, новые подвиги труда, новые всенародные героические достижения и победы — на форпостах социализма.

Нелегки наши задачи, товарищи, но мы должны осилить и осилить их, потому что мы должны любить нашего народа, с нами — мудрость нашей партии, с нами — наш гениальный вождь и учитель!

Наша задача, товарищи, но мы должны осилить и осилить их, потому что мы должны любить нашего народа, с нами — мудрость нашей партии, с нами — наш гениальный вождь и учитель!

Наша задача, товарищи, но мы должны осилить и осилить их, потому что мы должны любить нашего народа, с нами — мудрость нашей партии, с нами — наш гениальный вождь и учитель!

Наша задача, товарищи, но мы должны осилить и осилить их, потому что мы должны любить нашего народа, с нами — мудрость нашей партии, с нами — наш гениальный вождь и учитель!

Наша задача, товарищи, но мы должны осилить и осилить их, потому что мы должны любить нашего народа, с нами — мудрость нашей партии, с нами — наш гениальный вождь и учитель!

Наша задача, товарищи, но мы должны осилить и осилить их, потому что мы должны любить нашего народа, с нами — мудрость нашей партии, с нами — наш гениальный вождь и учитель!

Наша задача, товарищи, но мы должны осилить и осилить их, потому что мы должны любить нашего народа, с нами — мудрость нашей партии, с нами — наш гениальный вождь и учитель!

Наша задача, товарищи, но мы должны осилить и осилить их, потому что мы должны любить нашего народа, с нами — мудрость нашей партии, с нами — наш гениальный вождь и учитель!

Наша задача, товарищи, но мы должны осилить и осилить их, потому что мы должны любить нашего народа, с нами — мудрость нашей партии, с нами — наш гениальный вождь и учитель!

Наша задача, товарищи, но мы должны осилить и осилить их, потому что мы должны любить нашего народа, с нами — мудрость нашей партии, с нами — наш гениальный вождь и учитель!

Иллюстрация художника А. Кокорина к книге рассказов М. Горького «Слава храбрым» (Военгиз).

Голос писателей Ленинграда

ЛЕНИНГРАД. (От наш. корр.). Ленинградские писатели собрались в доме имени Маяковского на торжественный митинг. Они пришли выразить чувства, овладевшие каждым советским гражданином, когда великий Сталин обратился к народу по случаю победы над Японией и наступления мира во всем мире.

Митинг открыл И. Никитин. Слово предоставляется Михаилу Козакову.

— Это первый раз в этом славном году, — говорит М. Козаков, — мы спешим на радостные митинги, посвященные великим победам Красной Армии. Сегодня капитулировала Япония, полностью разгромлен очаг мирового фашизма, мирной агрессии на Восток.

М. Козаков говорит о благородных задачах, стоящих перед писателями в послевоенный период — период торжества пра-

вого дела, во имя которого сражались и трудились советский народ.

О новом боевом торжестве советского оружия на Дальнем Востоке говорил фронтовик А. Барен. Огромная квантованная армия, сказал он, разгромлена не только танками, самолетами, но и высокой моральной силой, которую несла на своих знаменах Красная Армия, и сегодня мы повторяем слова, которые произносили бойцы на всех фронтах: «Там, где Сталин, — там победа!».

С речами выступили также Б. Респ, П. Туганов, Илья Саломеев, Людмила Попова и Георгий Трифонов прочитали стихи, посвященные победе и вдохновляло победы — товарищу Сталину.

С большим подъемом митинг ленинградских писателей принял приветствие товарищу Сталину.

С большим подъемом митинг ленинградских писателей принял приветствие товарищу Сталину.

С большим подъемом митинг ленинградских писателей принял приветствие товарищу Сталину.

С большим подъемом митинг ленинградских писателей принял приветствие товарищу Сталину.

причем — сильнее!... Он все видел, ничего не пропустил мимо внимания и не пропал: грязный котенок бойца, пришедшего в кухню за обедом, небрежно позу командира взвода при отдаче приказа... он не устал делать замечания и выговоры, но делал их не худю, не сквозь зубы, а с жаром, с чувством глубокой убежденности в том, что от правильно принятого хлесткого шлепала солдата зависит успех его подразделения в завтрашнем бою». И в результате такой безжалостности во всем, и в мелочах и в крупном, ибо в военном деле мелочей не существует, «какой-нибудь пришедший с немецкой стороны «язык» показывал, что район между железнодорожной будкой справа и рощей слева, как раз занимаемый вторым батальоном (которым командовал Петренко), считается у них непроходимым... Легко ли было самому Петренко, в мирное время мягкому и рассеянному, проделывать над собой подобный рода работу? Легко ли подчиненным ему командирам и бойцам? Конечно, очень трудно, однако без этих усилий, без этой высокой моральной требовательности мы войны бы не выиграли. И вот в итоге эти высокие моральные требования стали свойственными всему народу, приобрели общенародный характер».

Мораль эта сама по себе отнюдь не нова. Вышепятавшая и сурово требовательная, она зародилась еще в тех боях, которые парти большевиков вели против самодержавия, и создателем этой морали был Ленин, величайшим — большевиком-подпольщиком. С тех пор она передавалась от одного поколения к другому. Родившаяся в великих революционных боях эта мораль, по самой сути своей сурово-воинственная, возмужавшая в наших военных условиях с разветвлением ее требований, единой науки, соединившая с ними и их одухотворила. Вот почему и Петренко и его друг Синак, мало сказать, требовательные командиры, они — знатоки уставов и маневров не применения.

Капитан Синак после ранения сбежал домой в родной колхоз, и, вернувшись в свою часть, снова встретился с земляком Петренко. «Как помертел я, Микола, на наших комитетов, на этих солдаток и детинек, на районных наших работников, в каких условиях приходится им сейчас начинать восстановление колхозного хозяйства. Эй богу, тот же фронт, ничуть не легче... Посеют. И трактора, какие ни есть, паху, и лошади, которых наши ветларазцы по-бросали, работают, и коровы пахнут, и вьюки пахнут, стелются с ними и их одухотворила. Вот почему и Петренко и его друг Синак, мало сказать, требовательные командиры, они — знатоки уставов и маневров не применения.

Капитан Синак после ранения сбежал домой в родной колхоз, и, вернувшись в свою часть, снова встретился с земляком Петренко. «Как помертел я, Микола, на наших комитетов, на этих солдаток и детинек, на районных наших работников, в каких условиях приходится им сейчас начинать восстановление колхозного хозяйства. Эй богу, тот же фронт, ничуть не легче... Посеют. И трактора, какие ни есть, паху, и лошади, которых наши ветларазцы по-бросали, работают, и коровы пахнут, и вьюки пахнут, стелются с ними и их одухотворила. Вот почему и Петренко и его друг Синак, мало сказать, требовательные командиры, они — знатоки уставов и маневров не применения.

Капитан Синак после ранения сбежал домой в родной колхоз, и, вернувшись в свою часть, снова встретился с земляком Петренко. «Как помертел я, Микола, на наших комитетов, на этих солдаток и детинек, на районных наших работников, в каких условиях приходится им сейчас начинать восстановление колхозного хозяйства. Эй богу, тот же фронт, ничуть не легче... Посеют. И трактора, какие ни есть, паху, и лошади, которых наши ветларазцы по-бросали, работают, и коровы пахнут, и вьюки пахнут, стелются с ними и их одухотворила. Вот почему и Петренко и его друг Синак, мало сказать, требовательные командиры, они — знатоки уставов и маневров не применения.

Капитан Синак после ранения сбежал домой в родной колхоз, и, вернувшись в свою часть, снова встретился с земляком Петренко. «Как помертел я, Микола, на наших комитетов, на этих солдаток и детинек, на районных наших работников, в каких условиях приходится им сейчас начинать восстановление колхозного хозяйства. Эй богу, тот же фронт, ничуть не легче... Посеют. И трактора, какие ни есть, паху, и лошади, которых наши ветларазцы по-бросали, работают, и коровы пахнут, и вьюки пахнут, стелются с ними и их одухотворила. Вот почему и Петренко и его друг Синак, мало сказать, требовательные командиры, они — знатоки уставов и маневров не применения.

Капитан Синак после ранения сбежал домой в родной колхоз, и, вернувшись в свою часть, снова встретился с земляком Петренко. «Как помертел я, Микола, на наших комитетов, на этих солдаток и детинек, на районных наших работников, в каких условиях приходится им сейчас начинать восстановление колхозного хозяйства. Эй богу, тот же фронт, ничуть не легче... Посеют. И трактора, какие ни есть, паху, и лошади, которых наши ветларазцы по-бросали, работают, и коровы пахнут, и вьюки пахнут, стелются с ними и их одухотворила. Вот почему и Петренко и его друг Синак, мало сказать, требовательные командиры, они — знатоки уставов и маневров не применения.

после гражданской войны и при коллективизации? задают вопрос оба друга. И оба решают: «Так нет же, это не повторится. В жизни никто дважды не повторится... Это что-то новое началось...» — говорит Петренко. «Не назад мы отброшены, а вперед! Развидели, конечно, страшные мы видели... Но что значит развидеть злых врагов социализма — фашистов? Это же победа из побед! Победа на глазах всего человечества. Ты чувствуешь, говорю, что мы уже перешли тут противосветский вой, которым от нас мир отгораживался. Уже другими глазами на нас смотрят. Смотрят с удивлением: что это за люди, слышащие шепот Гитлера, перед которым Европа в пыли лежала? Английские инженеры и рабочие шлют нам письма, вкладывают записки: «русскому бою». На Кариаты, говорю, заберемя, — ой, далеко будет видно оттуда!»

Далеко глядят Синак и Петренко, далеко глядят все советские люди в солдатских шинелях. Они видят, на какие мировые просторы вышла наша великая страна, ведь «на фронте победы всегда смотрят на запад». А за теми большими трудностями, которые переживает сейчас наш героический тыл, они видят близкий и небывалый расцвет, они знают, что этот расцвет застрахован только трудовым подъемом, и как же им хочется скорее принять участие в труде восстановления!

Вот происходит ночное передвижение первого боем. Бойцы почувствовали «среди грубых запахов обжаренной дымок костров и мокрой от дождя и пота солдатской одежды» поднимались от земли тонкий и приятный аромат. «Мята», — сказал один из солдатиков. «Заваняется, заваняется, слышала о мяте, о том, как выгодно селиться о том как в одном колхозе по-падли гектар роз, из тех розовых лепестков можно сделать масло для парфюма, зато цена ему десять тысяч». Ожиданный разговор продолжался до тех пор, пока комбат Петренко не прервал его. «Вы хворобой, грешески! Дома будете заниматься молотбой». Но не выдержал, ведь сам он агроном, и поинтересовался розовым маслом до войны не десять тысяч..., а пятьдесят пять тысяч рублей».

«Не растягивай! Шире шаг!» — Понятно, что Петренко обращает этот комбат не только бойцов, но и самого себя. Бине предстоит бой, но победа уже обозначилась. «Не верь на фронте внешней сухости и суровости... бывших степенеров, интелов, золотоскателей, геологов агрономов, преподавателей музыки, архитек-

торов», — и целые ночи Синак и Петренко проводят в разговорах о новых задачах мирной работы. Наконец, они решают написать письмо своим товарищам в тыл. «Найдем... найдем...» — говорит Петренко, — слюю за него Москва не давала, но хотим мы видеть после всех ужасов войны много красоты и радости. Если не сразу создашь ее, красоте, на месте вырубленных садов и выжженных лесов, пусть будет она в новых садах между людьми и в их трудовых подвигах. Так вырисовывается замечательный сюжет повести. Подобно повещенным в разгаре войны «Письмам к товарищу» Горького, повесть В. Овечкина родилась на фронте, и тоже не случайно, — написана она как взволнованное послание. Б. Горьбов остался в рамках эпистолярной формы. В. Овечкин следует за мыслями своих героев: Синак и Петренко обсуждают содержание своего будущего письма ведут повседневную фронтовую жизнь. Мы уже видели Синака в случае с Карженевским и узнали его при столкновении со случайным солдатыком в вагоне, о Петренко мы знаем судить по его работе над собой ч по его деятельности командира батальона. Оба друга — отнюдь не абстрактные носители отвлеченной морали, Оба они — люди приземленные и рыцарско-честные, бескомпромиссные и очень укичивные, оба горды и независимы. Автор не выдумал их такими, — он сумел показать, как военная служба и фронт обострили, выявили в таких людях, как Петренко, Синак, лучшие черты их характера. И то, что произошло с ними, отнюдь не исключение. Люди с фронтом возвращаются, как правило, выросшими. «Уходили рядовыми и сержантами, а вернулись офицерами. Кто без руки, кто на кистях, но марки не теряют: в форме ходят, на заседаниях плавно встают, когда отпадают на вопросы, бреша, подлинники. Синак и Петренко перескрасе понимают, что дело тут отнюдь не в военном обмундировании. «Не обременяйте себя тяжкими керемочными сапогами, португальцы», — шипит они в своем послании к тылу. «Не стесняйтесь, носите поджаки, гауки, майки, трусы, шланги, цилиндр, что хотите, лишь бы дело у вас шло хорошо».

То, что герои повести не выдуманы, подтверждается еще следующим любопытным фактом: недавно на сцене МАХТ была поставлена пьеса А. Крюна «Юричер флот», и та общая характеристика, которую мы дали нехотым офицерам Синаку и Петренко, не только относится и к капитану Петренко Горьбову, главному герою этой пьесы. Горьбовым останутся в армии и на флоте, Синаки и Петренко, по всей вероятности, вернутся в промышленность и на колхозные поля. Но их биографии во время

Отчетливости войны носят общие черты, облик у них один. К сожалению, даже недостатки в изображении этих героев у В. Овечкина и А. Крюна очень сходны, — кажется, что авторы только что увидели своих героев и рассказали о них очень общими и пожелай, торжопливо. Хорошо, что В. Овечкин нам показал двух командиров-фронтовиков, одушевленных, оживленных, оживших, ведь если бы мы видели, что они развились по характерам от этой по-вности только выиграла бы. А в ее теперешнем состоянии мы с трудом отличаем, когда говорит Синак и когда Петренко. Оба они говорят умно, сердечно, благородно, но чрезвычайно многословно, и это утомляет читателя. Конечно, люди на фронте не только воюют, у них есть время размышлять, и размышляют они с особенной остротой и свежестью, — есть, конечно, время и поговорить. Но фронтовой писатель не должен себя ставить в положение протоколиста, и некоторые разговоры могли бы быть пересказаны, некоторые есть вместе с от этого они стали бы острее, ярче и бо-лее ответственными общему тону фронтовой жизни, ее пульсацией. Бой за мельницу — единственный батальный эпизод, изображенный автором, дан слишком торжопливо. Пожалуй по-настоящему удался в этом эпизоде лишь финал боя, в котором агитатор Андрихов, избежав на верхний этаж мельницы, «осмотревшись вокруг, увидел, что колоть больше некого, вытпал из кармана платок, смочил его в крови лежащего на полу раненого в грудь и живот Разу-мовского, надел платок на штаны и, выставив винтовку в окне, помахал импровизированным красным флагом, давая знать, что с мельницей кончено». Казалось бы, сколько раз мы в поэзии и в живописи видели подобную ролю плакатные изображения. Даже художественно исполненные они почти всегда несколько холосты. Такого плана сюжет лишь этот момент в описании Овечкина, потому что в основе эффектно-драматического положения лежит реальная бытничная мотивировка: надо дать знать, что мельница в наших руках.

Повесть В. Овечкина насыщена величественными преданиями и конкретными практическими советами, вдохновенными призывами к высокой морали и уверенностью, что и «в труде сейчас, как в бою, быстро можно овладеть человеком». В повести фронтовиков требования передовых людей нашего народа, обращенные к самим себе и ко всему народу. И это делает повесть величественным орудием политического воспитания.

Однако эта удача автора — только начало серьезной работы и обещание будущих более совершенных произведений.

В этих книжках все, как положено журналу-ежемесячку. Странно впечатляет производят только выходные данные. Январская книжка подписана к печати 17 февраля, февральская — 5 июня, мартовская — 12 июня, апрельская — 21 июня и т. д. Разобраться в причинах этой редакционно-издательской чехарды не легко. Ясно, однако, что все эти книжки, за исключением первой, следует считать июньскими. Но не будем строги к журналу и предположим, что четыре номера вышли до победы над гитлеровской Германией и только пятый — шестой после. Последующие номера пока не видно, хотя на дворе уже сентябрь.

Что же дала «Звезда» своему читателю за полгода? Добрая половина каждой книжки посвящена делам академическим. Хорошо поставлен в журнале отдел «Наука и техника». Ценные материалы помещаются в «Литературном архиве» (автобиографические заметки Н. А. Некрасова, эпизод из жизни Гарибальди, повесть о Пушкине и т. п.). Интересны в отделе «Воспоминания» заметки народного артиста СССР Ю. Юрьева, мемуары Всеволода Рождественского о Блоке. Есть в журнале, кроме того, отдел «Из прошлого», в котором публикуются собственно исторические статьи. Много работ печатается в журнале и на историко-литературные темы (В. Орлов — Грибоедов, Б. Эйхенбаум — Лесков, Л. Гинзбург — Герцке и др.). Обширно представлена библиография.

Плохо только с художественной прозой. Впрочем, если дело касается стародавних времен, положение далеко не безнадежно. В первых четырех книжках опубликован роман Ивана Кратта «Остров Баранова» — о том, как утвердились русские в начале прошлого века на морях и островах Дальнего Востока. Начат печатанием роман Ольги Форш о Петербурге. В четвертом и пятом — шестом номерах опубликована романтическая повесть Леонида Борисова «Волшебник из Гель-Гью» — о жизни писателя А. С. Грина. Исторические рассказы Е. Федорова посвящены Суворову, Петру I и Державину. Обо всех этих вещах следует говорить особо. Но они являются темой нашей статьи. Мы хотим здесь рассмотреть опубликованные в «Звезде» произведения нашего времени — об Отечественной войне, о родном городе-герое в дни боя и дни мира. Надо отметить сразу — художественный уровень этой литературы весьма невысок.

Дело в том, что газетный очерк, названный рассказом, все же остается очерком, а рассказ — рассказом. В самом эссеизме, никак не станет повестью, сколько его ни переименовывай. К примеру: очерки Д. М. Остров «В пути», «Костер под Пеконью» и др. были, конечно, уместнее в 1944 году в газете (где мы их читали), чем в 1945 г. в «Звезде», хотя бы и под названием рассказов. И напротив Л. Борисов в следующем же номере «Звезды» захлебывается от восторга по адресу Д. М. Острова. Ни промолвить слова Л. Борисова о «эпичности» рассказов Д. М. Острова ни обильные цитаты из вещей, напечатанных в предыдущем номере, не могут изменить тот факт, что в данном случае Д. М. Остров сделал ряд неплохих фронтовых зарисовок и не больше. Впрочем, парфос Л. Борисова понятен. Он ведь вполне отвечает теоретической позиции журналиста, декларирующей критиком П. Бровман в той же второй книжке: «...очерковый» подход к теме порою оказывается эстетически более действенным для раскрытия нового психологического содержания, новых исторических закономерностей грандиозной исторической эпохи, происходящей в наши дни. В самом деле, мы сейчас совсем иначе, чем прежде, ощущаем жанр очерка. Он гораздо эмоциональнее выразительнее для нас, чем для поколения наших отцов, скажем. Возможно, что из очерка, из мемуаров, из каких-то других жанров, не ощущавшихся ранее, как эстетически значимые, должен родиться новый литературный жанр, более адекватный, чем традиционные жанры отражающий новые стороны человеческой психологии.

Как видим, критик не только возводит очерк в важнейший литературный жанр современности, но и считает его градацией отцом каких-то новых невероятных жанров, которые спасут, наконец, нашу оскудевшую жаврами грешную литературу.

Такое редкое единство теории и практики на страницах журнала просто завидно. Жаль, что оно идет не на пользу искусству, а во вред ему.

Как же обстоит с современной темой, с ленинградской темой на страницах «Звезды»? Прежде чем ответить на этот вопрос, позволим себе маленькое отступление. Осенью 1942 года на Сивявских болотах нам показывали фильм о Ленинградском фронте, изготовленный в Алма-Ате. Мы сидели на мокрой земле, под набухшими от дождя плащ-палатками и смотрели, как мелькают на экране бойцы в аккурных гимнастерках, в ношенных касках и наваленных сапгах. Когда окончатся сеанс, смущенный кинемеханик быстро уложил зловонную ленту в железный ящик и ушел, стараясь не глядеть на воинов, бросающих на него укоризненные иронические взгляды. Не раз вспоминал я позднее об этой нелепой картине, когда пошались в руки книжки о Ленинграде, сочиненные вали от осажденного города. Мне кажется, что именно тогда сложился пресловутый литературный штамп о людях Ленинграда, зажатого вражеской блокадой.

Журнал «Звезда», орган Ленинградского отделения Союза советских писателей № 1, 2, 3, 4, 5-6 за 1945 г.

Спросите любого внимательного читателя, и он вам напомним десятки произведений о Ленинграде с одним и тем же набором героев. Окопавший художник рисует пейзаж застывших улиц. Обесиленный архитектор срывает куски старинной ограды у себя на верхнем этаже. Голодный ученый заботится только о сохранении ценных коллекций. Скрипка одержавшимися пальцами исполняет Чайковского (обязательно Чайковского!). Встречаются и другие герои: певца Радиокомитета, поэт, настроенный ролей. А если простой человек, то уж непременно театральный, меломан, или летчик, влюбленный в актрису.

В чем дело? Неужели история вербовала в Ленинграде героев только из мира искусств? Или авторы берут именно таких героев, чтобы нарисовать сложные коллизии тождой и чувствительной души, показать великое самоотречение служителей муз, раскрыть глубокие эстетические проблемы военного времени? Если бы так! На поверку же коллизии и проблемы оказываются часто надуманными, а самоотречение фальшивым. Эти герои нужны авторам только для того, чтобы соорудить парадоксальным сюжет с такими «искусствоведческими» выкрутками и сентиментальным финалом. Но, допустим, что перед нами в этих изображениях действительные переживания, истинные чувства. Но разве они простились только так, как назидательным натурам? Разные личности эти чувства, те, что составили основную массу героев города Ленина?

Храбрый и мужественный ленинградский народ. Воин. Рабочий. Женщина. Вот центральная тема литературы о Ленинграде. Вот ее главный герой. Сложившаяся еще в начале войны плохая литературная традиция игнорирует эту тему. Печально, что приходится говорить об этом в 1945 году, но именно в плену этих традиций находится журнал «Звезда».

Важное место в первой книжке журнала занимает «рассказ» Д. М. Острова, о котором было упомянуто выше. Во второй книжке напечатаны рассказы Александра Штейна «Лебединое озеро» и Александра Зонина «Жизнь продолжается». Скажем прямо: рассказы Штейна — классическое произведение литературного штампа о Ленинграде. Автор задает благозвучный вопрос: «...или морское летчик Николае Кошнев». Но и прекращает. Но писателем вдруг оказывается беспомощным. А прочтут ли рассказы, если взять да и просто поведать о человеке, который кровью своей и жизнью отстаивал родной город. И опаснее, что не прочтут. Изобретательный автор к жизни героя пристраивает оригинальный, по его мнению, сюжет. Ну, конечно же, с участием Мельникова!

Автор проезжает мимо Маринского театра. «Глядя на знаменитые стены, я вспоминаю Николая Кошнев, задумчивого моего друга, морского летчика, Оказавшись, 22 июня 1941 года Кошнев должен был побывать на «Лебедином озере». В этот день началась война, и летчик не смог посетить театр. Отныне все сложные военные перипетии, в которые попадает герой, будут связаны с «Лебединым озером». Так хочет автор, а бумага, на которой печатается «Звезда», все терпит. И вот в немалом тылу, после аварии самолета, найденная в харьковской программе балета. Она вдохновляет эпитимю. «И если принц — добрый, он (Кошнев) замешивается — смог превратить белого лебедя в лебучку, то они, наверняка, смогут обмануть немца и выбраться из болота» (?).

Зимой 1941 года Кошнев волею автора оказывается на Урале и, конечно, попадает в эвакуированный Маринский театр на «Лебединое озеро». Но спектакль дозреть ему не удается, так как он спешит на аэродром. По пути его преследует музыка балета, а когда машина села, «гладе» изолетку падали снаряды, и опять музыка Чайковского прозвучала в ушах Кошнева». Но этого автору недостаточно — он ведет Кошнев в изуродованное здание театра в Ленинграде: «Он увидел иранские стены, лепные карнизы, разбитые снарядными осколками аниамоб, молчаливой темной ступенькой выигрывая в ватниках на сцене. И встал перед ним, как сияющее, сияющий

зал театра в глубоком тылу, и ослепительная сцена, и легкорылая девушка-лебедь. Мало этого. Автор и на улице сталкивает своего героя с декорациями, которые используются для прикрытия разрушений».

С чувством раздражения дочитываешь последние высокопарные строки этого надуманного рассказа. Мы не видели летчика и ничего не узнали о нем. Мы прочитали кучу банальностей о театре, изложенных пыльными, «красивыми» словами.

«Жизнь продолжается» А. Зонина — рассказ о погибшем моряке — поэте Алексее Лебедеве. Об этом напоминаем выше. Лебедев — герой рассказа прямо назван Алексеем. Но если это воспоминания о друге, зачем же называть их рассказом? Сделано это для того, вероятно, чтобы оставить себе руки развязанными. И действительно, немало здесь сочинено пыльных положений, которые, по мысли автора, должны произвести впечатление на читателя. Цитаты из Киплинга, явно придуманные «романтические» ситуации, обрывание стихов Лебедев — все это только мешает увидеть объективные подробности. Проще надо писать о товарище, и уж лучше правдивые воспоминания, чем рассказы с «эстетическими» побрякушками.

Третий номер «Звезды» представляет собой в некотором роде восточную культурно-исторический номер. В книжке напечатаны главы из повести Геннадия Гора «Дом на Мухомовой» и пухлый сценарий Ольги Берггольц и Георгия Макаренки «Ленинградская симфония». В этих двух вещах целая энциклопедия стандартов на ленинградские темы. Можно подумать, что редакция умножила составила такой номер, чтобы воочию продемонстрировать, к чему приводит забвение правды в искусстве и чего нужно всегда избегать при изображении людей героического города.

В повести Гора ярко сказалась тот ложный творческий принцип, который характерен и для рассказов Штейна и Зонина. Все эти авторы в изображении жизни идут не от жизни, а от литературы. Они берут историческое, конкретное литературное представление, чаще всего связанное с каким-нибудь явлением искусства («Лебединое озеро», Киплинг), и притягивают сюда своего героя (Кошнев, Лебедев). Жизнь затеивается в прокрустово ложе отвлеченной формулы. Автору кажется, что так будет интереснее, да деле получается скука. Автору кажется, что при помощи этих формул он глубже раскрывает психологию своего героя — на самом деле формула закрывает человека, и вместо правдивого изображения героя читатель видит обилие литературных реминисценций и разноцветных побрякушек.

Главное действующее лицо повести Гора — конечно, художник. Этого мало. Его возлюбленная — студентка — страстная ревнивица искусства. Но и этого мало. Ее отчим сазовод — любитель кактусов. Пусть читатель не подумает, что мы против художника и сазовода. Разумеется, и они могут быть (и были) истинными героями. Но мы рассуждаем, как эстетический наблюдатель и как изображающий эти люди. Художник Челдонов расстается с женой и детьми. В первый день войны он уезжает из Старой Руссы в Ленинград. «И когда он уже простился, Челдонов крикнул: «Этюд мой сохрани!» Написав эту фразу, автор сам смутился и добавил: «Не о том следовало кричать вслух». Но зная, что все равно этот герой не будет себя вести, как положено человеку с отзывчивой душой, автор тут же оправдывает его: «...отойдя немного, она догадалась, почему он кричал об этюде. Дорогой, неадекватный, он хотел, чтобы она не думала о главном о том, что она увидит его не скоро, а может, и не увидит никогда».

Так заикается на страницах повести этот мажор. Под бомбежкой он вспоминает картину Пикассо «Рыбей Герцика». В домах его преследуют пейзажи Коро и «Поэмные записки Пинкнесса клуба». Об этом говорится в назидательно-эстетическом послесловии. «Их стены, петрушки. Девушка любила пейзажи Коро. Гла она достала такие репродукции! Коро! Она любила то же, что и я. Какое удивительное совпадение! Огромные, легкие, темные вет-

ви деревьев Коро! В этой комнате, в мертвом, покинутом городе живые, весенние ветви деревьев Коро!

...Ему захотелось узнать, что она читала: «Посмертные записки Пинкнесса клуба», «Дон-Кихот», «Идиот», «Мертвые души». Его любимые книги. Она любила то же, что и он» и т. д.

Так косноязычно мыслит Челдонов полными художников и назиданиями книг. Пожалуй, это и есть литература.

Когда начинается блокадная зима, в действие вступает второй герой — ученый сазовод Хворостов, который переносит к себе на квартиру кактусы из оранжереи Ботанического сада, а дочь его — любительница искусства — Ляля неоднократно читает стеклянный купол оранжереи. Для того и введен в повесть паша-сазовод, чтобы можно было нарисовать эстетическую картину. «Закутыв растенья, обгревая их своим дыханием, она вела их к себе домой, чтобы снасти и дать ошеломительную гиревую «так и случилось, что в небольшой квартире сазовода Хворостова нашлось место для всех кактусов мира».

Читатель уже догадывается, что для сохранения кактусов пошли в печку и дорогие мебель, и любимые книги, и детские тетрадки, и даже подражки от картин. Чуть не угодил туда же и этот Челдонов, но когда стала снимать Ляля одну картину, обычный пейзаж (осенние березки и стог сена), задержалась на минуту и повернула картину обратно. Так и осталась она одиноко висеть в пустынной разоренной комнате». Это придумано хитрым автором для того, чтобы жена художника, возвратившись в Ленинград и попав в квартиру Хворостова, могла узнать, что муж был как-то связан с Лялей. Между прочим, не только Ляля и Челдонов но и его жена также мыслит литературными реминисценциями. «...Думалось об одиноком Серафиме, индустриале давно ушедших и века война, тее, индустриале, который, как эти звезды, был далеко от в то же время рядом. От отчуждения Серафима время бежало... И опять мысль летела через века назад, к Серафиму: одинокий, забытый, он вестки бежал из рабства, из плена» и т. п.

Такими прописями начинала вся повесть. А заканчиваясь она издательской душой между Лялей и возлюбленным ее мужем, и течет эта дурацкая вода пейзажем Челдонова, и теплая лепетает на женщин всеприрошное. Что еще сказать о повести Гора? Великий гонимый о таких вещах: это не творчество, а сочинительство!

«Ленинградскую симфонию» Ольги Берггольц и Георгия Макаренки ослепит искусство. Мы не знаем, какими кинематографические качества этого сценария, литературные его качества вызывают большие сомнения. Сценарий лишен действия. Он состоит из одних декларативных разговоров. Выступает композитор, выступает дирижер оркестра, выступают музыканты. Потом они рот укреплена, дежурят в МПВО. Иногда играют. Изображается это так:

«Длинные тени от топящейся времянки, на которой кипит котелок. Назарчук в пальто и высокой меховой шапке сидит перед пультом и играет соло валторны из симфонии Чайковского (ну, конечно!). Он сидит так, как если бы сам Назарчук или Римский-Корсаков стояли перед ним (!) И невидимый оркестр еле слышно подыгрывает ему, — а может быть, это ленинградская выюга гудит за окнами».

Но ведь именно эти ли почти эти мы неоднократно читали еще три года назад не то у Лавренко, не то у Паустовского. Стоило ли повторяться в 1945 году? Стоило ли писать большой сценарий только для того, чтобы доказать пряданую мысль о том, что и во время войны нужна музыка? Что же касается живых людей, то в сценарии «Ленинградская симфония» мы их «блуждаем». Те же горюющие аппараты, что и у Гора. Но там они произносят фамилии художников и назидания книг, а здесь, фамилии композитора и музыкальные термины. Как «Дом на Мухомовой» не передает истинного дыхания живописи, так «Ленинградская симфония» не передает подлинного ощущения музыки. Вот как изображают авторы зрелище мачши: «Во всем городе сухой стук молотков о дерево: то — экономайзеры окая, памятник, витрины... Стучит метелом, стучат молотки. И валует в стуже это незаметно рождается шлоп брызги: тот самый шлоп, который анализ возникает в первой части сельской симфонии». Нам кажется, что после сцены в ветхом лесу из «Большого вальса» пользоваться этим приемом неудобоно.

В книжках «Звезда» есть еще несколько рассказов о Ленинграде. Стоит ли их анализировать? Ведь взявшись за это, мы сейчас же наткнемся на итальянское консервное под аккомпанемент которого сержант Карташев исполняет песню из оперы «Садко» (Николай Некрасов, «На марше») или на длинные траты о том како издание Диккенса (или Дикхенс) лучше «соискни» или «просвещеннее» (Всеволод Воеводин, «Книжная лавка»). Нет, что ни говорите, авторы «Звезды» находятся в застойном кругу.

Мы не нашли на страницах журнала рассказов и повестей, где бы было поведено о городе-Ленинграде, о мужественном советском человеке, оставшемся родной город, о тех простых людях, в честь которых поднят нетленный златит товарищ Сталин.

Журнал «Звезда» пока стоит в стороне от центрального героя обороны, победы и восстановления великого города.

Между тем, Мурзамет заводит братьев в доушкю, на них нападет большое войско. Братья попадают в тюрьму, где они сидят много лет вместе с китяем.

Дочь тюремника любит одного из братьев. Старик китяч думает, что она влюблена в него и поет ей песню, но ею он отвернут.

Здесь в рыцарский роман входят комические характерные черты. Между тем, братья в тюрьме сделали себе добу и поют песню.

Осуп видит сон и во сне три красных рожи. Китяч говорит, что он через три дня будет освобожден.

Султан узнает, что его пленники живы, и что птицы слетаются к нему. Пленников на аркане вытаскивают из подземной тюрьмы. Они предлагают состязаться с певцом.

Осуп побеждает певца неверных и получает за это свободу.

С ним уезжает брат. Им дают золото за победу.

Он убивает предателя.

Осуп и Ахмед возвращаются домой. Их семьи в несчастьи и горе. Но горе превращается в радость. Туркмены объявляют священный войну персиянам. На помощь им приходит старик Сала-бег, который сражался с великим освободителем Гер-отлы, который сокрушил тяжелые рылы врагов.

Накунане художественного юбилея М. И. Кутузова издательство «Искусство» выпустило иллюстрационный альбом, выполненный Н. Кузьминым.

А. МЕЖИРОВ

Плыл плавный дождь...

Плыл плавный дождь. Совсем такой, как тот, Когда в траве, размокшей и промятой, Я полз впервые по полю на дог. Чтоб в амбразуру запустить гранатой. И был одной лишь мыслью поглощен: Чтоб твоя луна в путь не сворочила, Чтобы луна моя не осветила... Об этом думал... Больше ни о чем...

И вот сегодня снова дождь плывет, Да каждой капли памятный солдат, И в гулях, вдруг набрал на дог, Который сам же подрывал когда-то. Окраня Уричку. Трав. Покой. Все так же стелби трав дождем приматы: Я траюю дрожащей рукой! Осколок драмой от моей гранаты И вспоминаю о дожде густом, О первом доге, пламенем объят, О ремесле суровом и простом...

А. АБОРСКИЙ

Военные стихи Халдурды

Туркменский поэт Халдурды до войны был мало известен. Его знали лишь как переводчика. Он перешел Пушкина, Шелле, Джамбуйа и современных русских поэтов. В своих первых стихотворениях Халдурды пытался ввести в туркменские стихи ритмы новой русской поэзии, упорно повторял Маяковского, но успеха не имел. Знаком туркменского стиха не хотели принимать «исламизированные» месневи и мухаммесоз. Отказ от канонизированных форм восточной поэзии расценивался как явление нежелательное. Шеллегли недоумевали: кому нужен стих вне привычной напевности, стих, не напеваемый 7, 8, 11 и 14-сложным размером? Кто соглашается читать произведения, по форме не похожие на стихи Навои, Физули, Махтум-Кули? Тогда, оставив поэтарские поэзии и работу над оригинальными стихами, Халдурды обратился к переводам.

Традиционные формы туркменской поэзии, не позволяющие передать новое содержание жизни; с другой — новые события, переживания, чувства, которые нужно было запечатлеть в понятной и доступной зарецу форме.

С начала войны Халдурды находился в Красной Армии. Он командовал пулеметным взводом на Северном Кавказе, участвовал в освобождении Кубани и вернулся на родину летом 1943 года, после ранения.

Безал он от родной земли, Которую свято берегит. И вдалеке он и дел... Бжеал он много мнитя мест, Где неразбитой пули свает До слуха дойти не мог.

Стихи, о которых мы будем говорить, написаны Халдурды после возвращения с фронта. Около пятидесяти стихотворений составляют новый сборник. Многие из них и остры по форме и сюжетны: все без исключения — и лирические, и политические стихи — пропитаны злобой дня. Именно злободневность, свежест и типичность образов, характерность деталей подкупают в новых стихах Халдурды.

Беглец прячется, он верит, что: ...жизни путь умел удлинить, И сновил старик тепер. Смерь Азран на день посадила — Она в кандалах тепер.

Каждое стихотворение написано «по поводу». Сюжеты жизненные, цели отчетливы. В одном стихотворении прославляется друг — боец, который пошел в опасную разведку и был убит; в другом автор поэтизирует с неким поэтом, который в трудное военное время забывает о трудностях борьбы и благодушно прилагает побочку к нему на мирный той; в третьем Халдурды рассказывает, как вместе со своим взводом, на высокой кавказской горе, под огнем врага, встречал он праздник великого Октября; в другом бичует бездельника, мешающего работать.

Для дезертира нет спасенья. Ему опять надо бежать дальше. Он проходил, как тень, меж могил, И жизнью туман вез. И вешал лежачие: «Отвернись!» И кричал в воягон: «Трус!»

Такой образ, Халдурды снова вернулся к новаторству, но уже не формальное копирование приемов русской поэзии, усваивавшее его десятилетия назад, лежит в основе его новых стихотворений, а творческое претворение влияния русской литературы, смелое проникновение в жизнь, стремление к правдивому воссозданию действительности явления.

Могильным тленом легли В степях ковыли. Могилью глядит Каждая пядь земли.

Поэту предстоял выбор: с одной стороны

Эти стихи написаны верной рукой солдата, с такой силой заклимавшего предателя. Такой же страстной убежденностью тышат и другие стихи военного цикла Халдурды. Среди них назоем: «Фонарь», «Бесчестные», «Днепр», «Памяти друга», «В землянке», «Октябрь», «Другу поэту», «Первая чаша нового вина». В этих стихах борьба за новую форму не является самоцелью. Свои чувства и мысли поэт выражает так, как считает необходимым. Идея, образ диктуют форму и определяют ее. Некоторые стихи поэта не свободны от недостатков. В них попадаются неловкие «обороты» неумелые образы, композиционная беспылость. Все это важно, но не меняет военных стихи Халдурды — одна из интересных страниц современной туркменской поэзии.

Неделя детской книги

В октябре для юных читателей Москвы и Ленинграда Летгия и культотдел ВЦИСП организуяут «Неделю детской книги». В проведении «недели» примут участие Комитет по делам культурно-просветительных учреждений при Совнаркоме РСФСР, отделы народного образования, школы, дома пионеров, районные и профсоюзные детские библиотеки и другие общественные организации.

Кроме того, утренники и вечера, расчитанные в общей сложности на 40 тысяч школьников, будут организованы в домах культуры и клубах. Юные читатели встретятся с писателями, ознакомятся с книжными выставками, примут участие в литературных играх. В школах, в районных и профсоюзных библиотеках будут проведены читательские конференции на темы: «Мои любимые книги», «Образ советского героя», «Книги о нашей советской родине» и т. д. «Неделя» расчитана на детей дошкольного, младшего и среднего возраста.

Задача «Недели» детской книги, — пропаганда художественной литературы среди детей и ознакомление их с вновь вышедшими книгами. «Неделя» должна привлечь внимание школы и родителей к вопросам организации детского чтения.

В течение «недели» в Колонном зале Дома союзов состоится несколько утренников, которые охватят свыше 14 тысяч детей.

Литературная газета

№ 38

В. ШКЛОВСКИЙ „Юсуп и Ахмед“

Туркменское коллективное народное творчество уже выделило индивидуальних творцов, имена которых известны всему туркменскому народу. Особенною туркменской литературы является существование в ней народных романов. Романы эти известны за пределами Туркмении. Они известны в Узбекистане, в Азербайджане, среди татар Поволжья и на Кавказе.

Разобратся в доле участия азербайджанцев, узбеков и туркмен в создании этой литературы трудно.

Трудность эта, может быть, увеличивается тем, что старая литература Средней Азии записывалась арабским алфавитом, в котором опускались гласные. Поэтому языковая разница скрывалась транскрипцией.

Таим образом, перед нами литературное произведение, написанное определенным автором и имеющее огромную народную традицию.

Роман построен на чередовании прозаических и поэтических кусков. Сюжетное движение идет, главным образом, в прозаической передаче. Но сюжет традиционен. Поэтические куски дают психологию героев и картинную сторону событий.

Содержание романа состоит в истории двух братьев, которые, поссорившись со своим дядей Бозогланом, ушли со своими приверженцами в новые земли, сражались с персами и прославились. Их враг, повелитель страны Миср, идопоклонник Гоельшах однажды увидел сон, что на него нападут два лая, сбита с его головы чаша с золотом, а из рта шаха вылетела черная птица. Шах вызывает мудрецов разгадать сон. Приводят китайца-мусульманина. Китаец Баба-Камбар истолковывает сон, что два дивных лая Юсуп и Ахмед захватят два шаха.

Снотодкователя за дурные вести сажает в тюрьму. Тогда поднялся из угла коварный злодей с ледяными губами, синими глазами, с лицом человека, сосавшего яд, и склонился перед ханом. Человека этого звали Мурзамет и был он куплен одним мляоваром на мыльном базаре за 2 пятака с половиной. Злодей обещается победить братьев. Он идет к ним, Бозоглан предупреждает братьев: он говорит, что глаза раба неслы, он лгуничик. Юсуп отвечает, что он не убьет дядя врага, если враг вошел в семью.

Синотдкователя за дурные вести сажает в тюрьму. Тогда поднялся из угла коварный злодей с ледяными губами, синими глазами, с лицом человека, сосавшего яд, и склонился перед ханом. Человека этого звали Мурзамет и был он куплен одним мляоваром на мыльном базаре за 2 пятака с половиной. Злодей обещается победить братьев. Он идет к ним, Бозоглан предупреждает братьев: он говорит, что глаза раба неслы, он лгуничик. Юсуп отвечает, что он не убьет дядя врага, если враг вошел в семью.

Венгерский исследователь среднеазиатской литературы Вамбери вывел из Хивы роман «Ахмед и Юсуп». Вамбери говорил, что этот роман был перелан по его поручению узбеком. Он говорил также, что перелан узбеком персидский раб. Роман этот был опубликован в переделке одного мляула, выехавшего вместе с Вамбери в Европу.

Можно полагать, что оригинал, с которого взят текст Вамбери, «убожен» и был написан на туркменском языке.

Вамбери говорил, что роман «Юсуп-бег и Ахмед-бег» популярен среди туркменских племен.

Вариантов романа существует множество, и во всех местах действия указывается Туркменистан.

Туркменская литература имеет долгий период цветения. Она не знала упадка средневековья.

Великий туркменский поэт Махтум-Кули — современник нашего Державина. Это глубоко национальный поэт и в то же время поэт, нам сейчас понятный.

Автор перелан романа «Юсуп и Ахмед»

Иллюстрации художника В. Горюева к книге рассказов О. Генри (Детгия).

Путь к зрелости

Айра Каал—сравнительно молодая эстонская писательница и журналистка, известная в эстонской литературе, главным образом, как автор эпитаграм. В настоящее время она — сотрудник тартуской общеполитической газеты «Ус Постимес» («Новый почтовый»). Сразу же после освобождения Тарту Красной Армией Айра Каал вместе с войсками вошла в город и здесь, под артиллерийским огнем, помогала вытаскивать раненых с поля боя.

Нипишу подает вор, бедняк, рассеянный ученый, девушка, богач. Но вот приходит человек и, как товарища, зовет его к себе. Нищий в испуге отшатывается от него. И поэт кончает свое стихотворение так: Сидя, нищий, сидя на скамейке в тени деревьев, листья падают вокруг тебя в классической яркости. Язык много прокладывает, всем жалко тебя, соробитиш, сидишь ты в осеннем тумане — нагла лирическая ложь.

Нотка иронии, слышная в стихотворении, свойственна поэзии Айры Каал. Хороши стихи «Работница в ожидании ребенка», «Женщина из предместья», «Фабрика зовет», «Думы ребенка» (о гитлеровцах и немецкой оккупации), «Винтовка», «Шинель», «Письмо». В стихотворении «Почему я хочу в Эстонию» Айра Каал пишет:

Родина, не иду в тебе мать, не жду от тебя щедрых даров. Жажда сама быть являющейся матерью для тебя, как для большого ребенка.

И все же нельзя сказать, что Айра Каал — поэт в вполне определенном смысле, она все еще находится в периоде исканий. Творчество ее неровно. Наряду с хорошими стихами в сборнике встречаются слабые, рассудочные. Но напряженные поиски помогут Айре Каал стать хорошим советским поэтом.

Айра Каал. «Не отдам оружия». Стихи. 1939—1944 гг. Таллин, 1945.

Подарок детям

Как сообщает составитель этого сборника Корней Чуковский, цель его — «дать литературный материал для работников детских площадок, детских садов, пионерских лагерей, кружков детской самодеятельности».

В книгу вошли любимые стихотворения детей: «Вот какой рассеянный» С. Маршак, «Мойдодыр» К. Чуковского, «А что у вас?» С. Михалкова и многие другие, известные не одному поколению дошкольников, стихи. Есть в сборнике и песни. Песню Ковнера на слова Турневой «Елка» ребята будут петь на веселом новогоднем празднике. Найдут ребята в книге и песни, встречающиеся зрелому взрослому.

Круг авторов, вошедших в сборник, весьма разнообразен. В нем представлены не только такие признанные детские писатели, как Маршак, Михалков, Барто, Квитко

и др., но и писатели, не часто выступающие в детской литературе. Можно назвать «Маленького» младшего брата О. Берггольц, «Мой город» Радуде Стийенский, «Балладу о мальчишке, оставшемся неизвестным» П. Антонюкского.

Наряду с произведениями советских писателей в сборник включены маленькие рассказы-притчи Льва Толстого («Два мальчика», «Прыжок»), отрывки из повести Некрасова «Мороз воевода», «Мужик и мороз», сказки В. Одоевского «Мороз Иванович», русские народные сказки.

К сожалению, в сборник не включены драматические сценки. Это — большое упущение. Как часто детские драматические кружки ставят сценки и пьесы, совершенно не отвечающие ни запросам детей, ни их исполнительским возможностям. Но в основном цель сборника, безусловно, достигнута, и составитель его найдет благодарных читателей и исполнителей.

«Детям». Встретный сборник для детской художественной самодеятельности. Издательство «Искусство», 1945.

Ф. ГУРЕВИЧ.

Л. ТООМ.

Новая комедия

А. Корнейчука

КИЕВ. (От наш. корр.) Александр Корнейчук написал трехактную комедию «Приезжайте в Звонковское». Новая пьеса А. Корнейчука рисует жизнь колхозного села в первые месяцы после окончания Отечественной войны.

Пьеса о борьбе

литовского народа

ВИЛЬНИУС. (От наш. корр.) Действие происходит в литовском городке во время немецкой оккупации. Из-за судьбы незначительного, попавшего в руки гестапо, разворачивается борьба между патриотами и прислужниками оккупантов. Такова основная канва новой пьесы заслуженного деятеля искусств Литовской ССР Б. Даугувитиса «В тулпике».

Это вторая пьеса, написанная Б. Даугувитисом после освобождения Литвы. Первая — «Новая борода» — недавно поставлена Вильнюским государственным театром.

Краевой литературный конкурс

СТАВРОПОЛЬ. (От наш. корр.) Закончился краевой литературный конкурс, объявленный «Ставропольской правдой» и Краевым книжным издательством. Всего на конкурс поступило 162 произведения — рассказы, повести, стихи, пьесы.

Первая денежная премия присуждена С. Бабеевскому за повесть «Гусиный остров». Две вторых премии получили А. Бранчу за повесть «Испытание», и П. Глодов за рассказ «Большая семья».

Две третьих премии присуждены О. Ганди за рассказ «Письмо» и В. Семенову за стихи. Кроме того жюри отменило произведения ряда жанров — Пономарев, О. Ганди, Петренко, Самойлович и др.

Краевое книжное издательство подготовило к выпуску альманах «Ставрополь», включающий ряд произведений, премированных и одобренных на конкурсе.

В прошлом году, по возвращении из Действующей армии, я написал пьесу «Дар огня» («В огне») — о наших боях и офицерах, о боевой дружбе советских народов на войне. Эта пьеса сейчас идет на сцене талкинского академического драмтеатра. Кроме того, я перевел «Без вины виноватые» А. Островского, комедию К. Гольдони «Слуга двух господ».

Параллельно с этими работами я продолжал изучение эпохи монгольского нашествия и собирал материал для трагедии о Тимур-Малике, задуманной мною еще в 1941 году.

В XIII в. народы Средней Азии вели ожесточенную борьбу против монгольских полчищ. Трагедия народа, поднявшегося на защиту своей земли, своей жизни и культуры, но потерпевшего поражение и подавляемое под жестоким чужеземным гнетом в результате измены, трусости и соперничества бездарности господствующего феодального класса — эта трагедия наиболее полно отразилась в истории борьбы Тимур-Малика и в его личной судьбе. Выдающийся полководец армии хорезмшаха, герой талкинского народа Тимур-Малик, человек прямого характера и враг лести, полагает в опалу и во времена монгольского нашествия оказывается на главе небольшого холмистого гарнизона.

Оборона Ходжента (теперь Ленинабад) Тимур-Маликом против пятидесятикратно превосходящих сил врага — поучительнейшая, с точки зрения военной тактики, и ярчайшая по героизму страница народной борьбы.

В трагедии, первое действие которой я уже написал, кроме Тимур-Малика действуют царица Джалалетдин, хорезмшах Мухаммед, Чингисхан и его сыновья и другие исторические лица. В настоящее время я работаю также над монографией о крупнейшем талкиском писателе и мыслителе XIX в. Ахмеди Калла Доши, оказавшем огромное влияние на всю последующую талкискую литературу. Обе эти работы хочу закончить в 1945 году.

УЛУГ-ЗАДЕ

Больше требовательности

В Гослитиздате реорганизован отдел художественного оформления. К работе над книгой привлекаются лучшие художники-графики.

Народный художник С. Герасимов будет иллюстрировать подготовляемое к печати сочинение М. Горького «Дело Артамоновых». Заслуженные деятели искусства Кукринский иллюстрирует «Фому Гордеева» М. Горького и «Лешую» Н. Лескова. В. Фаворский заканчивает работу над переводом «Отелло» В. Шекспира (перевод Б. Пастернака). Д. Шарниров работает над оформлением «Войны и мира» Л. Толстого и «Петра Первого» А. Толстого. В. Дехтерев выполняет иллюстрации к «Тарасу Бульбе» Н. Гоголя. Н. Витницкий — к «Обрыву» И. Гончарова, Ф. Константинов — к «Преступлению и наказанию» Ф. Достоевского, А. Каневский — к «Вечерам на хуторе близ Диканьки» Н. Гоголя и т. д.

Издательство готовит, кроме того, к печати ряд книг с рисунками старых мастеров: П. Соколова на «Мертвым душам» Н. Гоголя (по материалам фондов библиотеки имени В. И. Ленина), В. Васнецова к «Снегурочке» А. Островского, Д. Кардовского к «Горю от ума» А. Грибоедова и т. д.

В издательстве вводится институт художественных редакторов, ответственных за внешнее и внутреннее оформление книги в целом. На постоянных совещаниях при директоре издательства будет рассматриваться и утверждаться оформление каждого издания (переплет, обложки, титула, иллюстрации, заставки, шрифты, форматы и т. д.). Пополняется штат контролеров по оформлению, повышаются требования к типографиям. При отделе художественного оформления создается совет из виднейших художников книги и графики.

В сентябре Гослитиздат проведет конференцию по вопросам оформления книги. На конференции будут заслушаны доклады о художественном оформлении массовой книги. Предполагается также организация выставки книг и графических работ за последние 4—5 лет. Постоянная комиссия по оформлению создается и в ОГИЗ в составе П. Юдина (председатель), А. Назарова, Н. Ильина, Н. Седельникова, проф. А. Сидорова, М. Смелянова, С. Тилингатора, М. Баладина, Я. Аксельрода, И. Веритца, И. Кузнецова и И. Кемлина.

В 1946 году будет проведен конкурс на лучшее оформление книги.

МИЛЛИОН КНИГ

ТАРТУ. (От наш. корр.) Библиотека Тартуского государственного университета представляет собою богатейшее собрание произведений научной мысли, хранящие уникальных книг и рукописей многовековой давности. В библиотеке насчитывается свыше миллиона книг, свитков, рукописей и научных диссертаций выдающихся ученых — основоположника эмбриологии Бэра, основателя и первого директора Пулковской обсерватории Струве, великого хирурга Пирогова, академиком Бурденко и Гарле и многих других.

Хранится в библиотеке и рукопись произведений Аристотеля, записанная в XIV веке на пергаменте; рядом — рукописная книга с множеством цветных иллюстраций на пергаменте: сказки из серии «Тысяча и одна ночь» на арабском языке.

Внимание посетителя привлекает небольшая книжка в кожаном, малинового цвета переплете, с французским императорским гербом — «Жизноописание великих людей» Плутарха, 7-й том, Париж 1811 год. Попала она сюда из личной библиотеки Наполеона I. Во время Отечественной войны 1812 г. казаки захватили наполеоновскую карету и в ней нашли эту книгу.

«Копали»

ТБИЛИСИ. (От наш. корр.) Издательство «Заря Востока» выпустило отдельную книжку поэмы Важа Пшавела «Копали», переведенную на русский язык Б. Серебряковым. В основу поэмы положено древнее пшавское сказание о борьбе добра и зла, заканчивающееся победой доброго начала.

В том же издательстве вышла на русском языке книжка Карло Каладзе «Стихи, песни, баллады». В книжке — три раздела: «В дни войны», «Стихи о Херувисе» и «Разные стихотворения». Переводы сделаны Б. Пастернаком, В. Звягинцевой, Н. Асеевым, П. Антокольским, С. Спасским, Б. Сечеряковым, С. Шервинским, В. Державиным и В. Лезинком.

СКУЛЬПТУРНЫЕ ОБРАЗЫ

ДАГЕСТАНСКИХ ПОЭТОВ

МАХАЧ-КАЛА. (От наш. корр.) К юбилею Дагестанской АССР в городе Махач-Кала открывается художественная выставка, на которой будут представлены новые скульптуры заслуженного деятеля искусств Дагестанской АССР Аксар-Сармада: скульптурный портрет видного кумысского поэта Ири-Казак, лезгинского поэта Етим Эмина, знаменитого аварского поэта Махмуда из Кахаб-Россо.

Сейчас скульптор работает над портретом дагестанского поэта Батыра и образами фольклорных героев Айгана, Шарвала, Хочбар.

Новые книги

М. ПРИШВИН

«Венская библиотечка школьника», «Словари» — «Советский писатель» (художник Г. Фишер) и «Мастер доброй профессии» Я.г. Хазина — Воениздат (художник Д. Ваханов).

«ИЗБРАННОЕ» М. Пришвина — Гослитиздат (художник Д. Ваханов), «Стихи, где златый высок» А. Венцлова — Госиздат Литвы, «Туркменская литература» П. Словарева — «Советский писатель» (художник Г. Фишер) и «Мастер доброй профессии» Я.г. Хазина — Воениздат (художник Д. Ваханов).

«Венская библиотечка школьника», «Словари» — «Советский писатель» (художник Г. Фишер) и «Мастер доброй профессии» Я.г. Хазина — Воениздат (художник Д. Ваханов).

«ИЗБРАННОЕ» М. Пришвина — Гослитиздат (художник Д. Ваханов), «Стихи, где златый высок» А. Венцлова — Госиздат Литвы, «Туркменская литература» П. Словарева — «Советский писатель» (художник Г. Фишер) и «Мастер доброй профессии» Я.г. Хазина — Воениздат (художник Д. Ваханов).

«ИЗБРАННОЕ» М. Пришвина — Гослитиздат (художник Д. Ваханов), «Стихи, где златый высок» А. Венцлова — Госиздат Литвы, «Туркменская литература» П. Словарева — «Советский писатель» (художник Г. Фишер) и «Мастер доброй профессии» Я.г. Хазина — Воениздат (художник Д. Ваханов).

«ИЗБРАННОЕ» М. Пришвина — Гослитиздат (художник Д. Ваханов), «Стихи, где златый высок» А. Венцлова — Госиздат Литвы, «Туркменская литература» П. Словарева — «Советский писатель» (художник Г. Фишер) и «Мастер доброй профессии» Я.г. Хазина — Воениздат (художник Д. Ваханов).

«ИЗБРАННОЕ» М. Пришвина — Гослитиздат (художник Д. Ваханов), «Стихи, где златый высок» А. Венцлова — Госиздат Литвы, «Туркменская литература» П. Словарева — «Советский писатель» (художник Г. Фишер) и «Мастер доброй профессии» Я.г. Хазина — Воениздат (художник Д. Ваханов).

«ИЗБРАННОЕ» М. Пришвина — Гослитиздат (художник Д. Ваханов), «Стихи, где златый высок» А. Венцлова — Госиздат Литвы, «Туркменская литература» П. Словарева — «Советский писатель» (художник Г. Фишер) и «Мастер доброй профессии» Я.г. Хазина — Воениздат (художник Д. Ваханов).

«ИЗБРАННОЕ» М. Пришвина — Гослитиздат (художник Д. Ваханов), «Стихи, где златый высок» А. Венцлова — Госиздат Литвы, «Туркменская литература» П. Словарева — «Советский писатель» (художник Г. Фишер) и «Мастер доброй профессии» Я.г. Хазина — Воениздат (художник Д. Ваханов).

«ИЗБРАННОЕ» М. Пришвина — Гослитиздат (художник Д. Ваханов), «Стихи, где златый высок» А. Венцлова — Госиздат Литвы, «Туркменская литература» П. Словарева — «Советский писатель» (художник Г. Фишер) и «Мастер доброй профессии» Я.г. Хазина — Воениздат (художник Д. Ваханов).

«ИЗБРАННОЕ» М. Пришвина — Гослитиздат (художник Д. Ваханов), «Стихи, где златый высок» А. Венцлова — Госиздат Литвы, «Туркменская литература» П. Словарева — «Советский писатель» (художник Г. Фишер) и «Мастер доброй профессии» Я.г. Хазина — Воениздат (художник Д. Ваханов).

«ИЗБРАННОЕ» М. Пришвина — Гослитиздат (художник Д. Ваханов), «Стихи, где златый высок» А. Венцлова — Госиздат Литвы, «Туркменская литература» П. Словарева — «Советский писатель» (художник Г. Фишер) и «Мастер доброй профессии» Я.г. Хазина — Воениздат (художник Д. Ваханов).

«ИЗБРАННОЕ» М. Пришвина — Гослитиздат (художник Д. Ваханов), «Стихи, где златый высок» А. Венцлова — Госиздат Литвы, «Туркменская литература» П. Словарева — «Советский писатель» (художник Г. Фишер) и «Мастер доброй профессии» Я.г. Хазина — Воениздат (художник Д. Ваханов).

«ИЗБРАННОЕ» М. Пришвина — Гослитиздат (художник Д. Ваханов), «Стихи, где златый высок» А. Венцлова — Госиздат Литвы, «Туркменская литература» П. Словарева — «Советский писатель» (художник Г. Фишер) и «Мастер доброй профессии» Я.г. Хазина — Воениздат (художник Д. Ваханов).

«ИЗБРАННОЕ» М. Пришвина — Гослитиздат (художник Д. Ваханов), «Стихи, где златый высок» А. Венцлова — Госиздат Литвы, «Туркменская литература» П. Словарева — «Советский писатель» (художник Г. Фишер) и «Мастер доброй профессии» Я.г. Хазина — Воениздат (художник Д. Ваханов).

«ИЗБРАННОЕ» М. Пришвина — Гослитиздат (художник Д. Ваханов), «Стихи, где златый высок» А. Венцлова — Госиздат Литвы, «Туркменская литература» П. Словарева — «Советский писатель» (художник Г. Фишер) и «Мастер доброй профессии» Я.г. Хазина — Воениздат (художник Д. Ваханов).

«ИЗБРАННОЕ» М. Пришвина — Гослитиздат (художник Д. Ваханов), «Стихи, где златый высок» А. Венцлова — Госиздат Литвы, «Туркменская литература» П. Словарева — «Советский писатель» (художник Г. Фишер) и «Мастер доброй профессии» Я.г. Хазина — Воениздат (художник Д. Ваханов).

«ИЗБРАННОЕ» М. Пришвина — Гослитиздат (художник Д. Ваханов), «Стихи, где златый высок» А. Венцлова — Госиздат Литвы, «Туркменская литература» П. Словарева — «Советский писатель» (художник Г. Фишер) и «Мастер доброй профессии» Я.г. Хазина — Воениздат (художник Д. Ваханов).

«ИЗБРАННОЕ» М. Пришвина — Гослитиздат (художник Д. Ваханов), «Стихи, где златый высок» А. Венцлова — Госиздат Литвы, «Туркменская литература» П. Словарева — «Советский писатель» (художник Г. Фишер) и «Мастер доброй профессии» Я.г. Хазина — Воениздат (художник Д. Ваханов).

«ИЗБРАННОЕ» М. Пришвина — Гослитиздат (художник Д. Ваханов), «Стихи, где златый высок» А. Венцлова — Госиздат Литвы, «Туркменская литература» П. Словарева — «Советский писатель» (художник Г. Фишер) и «Мастер доброй профессии» Я.г. Хазина — Воениздат (художник Д. Ваханов).

«ИЗБРАННОЕ» М. Пришвина — Гослитиздат (художник Д. Ваханов), «Стихи, где златый высок» А. Венцлова — Госиздат Литвы, «Туркменская литература» П. Словарева — «Советский писатель» (художник Г. Фишер) и «Мастер доброй профессии» Я.г. Хазина — Воениздат (художник Д. Ваханов).

«ИЗБРАННОЕ» М. Пришвина — Гослитиздат (художник Д. Ваханов), «Стихи, где златый высок» А. Венцлова — Госиздат Литвы, «Туркменская литература» П. Словарева — «Советский писатель» (художник Г. Фишер) и «Мастер доброй профессии» Я.г. Хазина — Воениздат (художник Д. Ваханов).

«ИЗБРАННОЕ» М. Пришвина — Гослитиздат (художник Д. Ваханов), «Стихи, где златый высок» А. Венцлова — Госиздат Литвы, «Туркменская литература» П. Словарева — «Советский писатель» (художник Г. Фишер) и «Мастер доброй профессии» Я.г. Хазина — Воениздат (художник Д. Ваханов).

«ИЗБРАННОЕ» М. Пришвина — Гослитиздат (художник Д. Ваханов), «Стихи, где златый высок» А. Венцлова — Госиздат Литвы, «Туркменская литература» П. Словарева — «Советский писатель» (художник Г. Фишер) и «Мастер доброй профессии» Я.г. Хазина — Воениздат (художник Д. Ваханов).

«ИЗБРАННОЕ» М. Пришвина — Гослитиздат (художник Д. Ваханов), «Стихи, где златый высок» А. Венцлова — Госиздат Литвы, «Туркменская литература» П. Словарева — «Советский писатель» (художник Г. Фишер) и «Мастер доброй профессии» Я.г. Хазина — Воениздат (художник Д. Ваханов).

Н. СТРОКОВСКИЙ ПОБЕДА ЧЕЛОВЕКА

У АВТОРА ПОВЕСТИ «МОЛОДОСТЬ»

...Небольшая комната, очень чистая и очень светлая. У окна — этажерка с книгами, на століке — радиоприемник и телефон. Дверь на балкон широко раскрыта, но рама затянута кисеей.

На никелированной кровати, установленной на четырех велосипедных колесах, лежит человек. Белоснежная простыня закрывает его до подбородка. Коротко остриженные русые волосы. Глаза спрятаны за желтыми стеклами.

— Пожалуйста садитесь против меня! — говорит человек после первого знакомства. Голос ровный и выразительный. Рассказ Александра Максимовича Бойченко, предельно суровый и скупой, нельзя слушать без волнения.

Двенадцать лет человек не сходит с постели. Беспощадная болезнь! Анкилоз. К Бойченко она подкралась еще в 1931 году. Это случилось в дощечной степи, зимой, в дикую пургу, когда Бойченко возвращался с хлебозаготовки. После ночи блуждания в степи он, промозглый до костей, выбрался, наконец, к станции. С правой ноги уже не могли снять валенки: пришлося его разрезать. Было странное ощущение какой-то связанности в ногах и в позвоночнике.

Он выпил целый чайник кипятку и бутылку вина, накрылся всем, что только можно было достать в избе. К утру прошло.

Месяца два спустя, однако, когда он снова работал в Помбасе, болезнь настигла его из угла, нашла его под землей, на шахте «Смолянка», в шахре. Он упал на угольную глыбу, потеряв сознание. Товарищи привели его в чувство. Без посторонней помощи он сумел добраться до полковой кухни, хотя правая нога стала чужой и шея как бы окамелена.

Занимаясь лечением, Подозревали хроническое заражение крови. Кто-то из врачей посоветовал отправиться за границу. Потом лежал в санатории в Крыму. Созвали кон-

больничником, когда враг славил твою глотку так, что в глазах потемнело. Надо встать за работу, за любую полезную работу. Встать за серьезную учебу.

Руки и глаза! Какое все-таки счастье иметь здоровые руки и глаза. Он мог переписать книгу на полноте, поставленном на груди, мог делать выписки, писать конспекты.

Но вот затвердели суставы. Окamenели застыли руки, окamenели распрямленные пальцы. И почти вслеп за этим варил глаз померк...

Новое нашествие врага ничего не изменило в сознании. Бойченко знал свое место в жизни, но он думал сейчас, как вести работу дальше. Репетировал и редактировал рукописи из издательства «Молодая жизнь».

А потом решил сам попытаться рассказать обо всем, что видел, знал, о чем думал, чем жила его молодость. Рассказать просто, честно.

Но как трудно писать, не видя того, что пишешь! Писать книгу, не держа в руке карандаша. Писать и проверять на слух! Все на слух...

И вот первая часть работы закончена. На тумбочке, но никто из друзей не знает об этом. Удана? Или... провал?

Решалась судьба и литератора и человека. Если удача, значит, он может делать большое, нужное дело.

Бойченко просит говорить правду, только правду, пусть самую жестокую. И друзья говорят правду: написан волнующий документ современника о комсомоле! ...1920—1921 гг. Тяжелые годы на Украине. Разруха после гражданской войны и интервенции. На X съезде партии выступает Ленин. Объявлена новая экономическая политика. Средяки повернули в сторону советской власти.

читаться ее с интересом. Видишь и чувствуешь людей. Вспоминаешь пережитое. «Молодость» принята издательством!

Но наступает 22 июня 1941 года. Работа прервана. Среди всех своих забот Никита Сергеевич Хрущев не забывает и о Бойченко. Его увозит на Волгу, в тихую деревушку, известную многим украинским и белорусским писателям. Эвакуированным организуют колхоз. Александр Максимович становится секретарем колхозной партийной организации. Люди борются за хлеб, помогают родине и фронту. Бойченко в строю.

У его постели проходит партийные собрания, обсуждаются новые номера стенной газеты, намечаются темы докладов и лекций.

Однако болезнь не оставляет ни на минуту. Новое осложнение — угроза гангрене правой ноги. Надо ампутировать ногу...

Бойченко пишет письмо Никите Сергеевичу в Сталинград. Была тяжелая осень 1942 года. Несмотря на бездорожье, письмо доходит по адресу. В деревушку приезжают автомашины от Никиты Сергеевича. Бойченко увозят в Уфу. Нужна немедленная операция.

Ампутирован ногу. Снова обострение болезни. До тела нельзя дотронуться, больно даже от прикосновения одеяла. Известь не читается. Уже подобралась к челюстям. Бойченко сопротивляется, сколько может.

С фронта идут радостные вести. Освобожден Харьков! Освобожден Киев! Хочется скорее домой...

Снова Александр Максимович чувствует дружескую руку Никиты Сергеевича Хрущев. В ноябре 1943 года его привозят в Харьков, 1944 год проходит в работе над редактированием «Молодости».

И вот книга вышла... Хочется взять ее в руки, прижать к себе. И этого нельзя. Он просит подождать книгу на груди. Сейчас издательство «Молодая гвардия» готовит русское издание «Молодость».

Александр Бойченко принят в Союз советских писателей Украины. Теперь он работает над второй частью трилогии.

Полночь человека с неумолимой болезнью продолжается. И человек побеждает. Киев.

Александр Бойченко принят в Союз советских писателей Украины. Теперь он работает над второй частью трилогии.

Полночь человека с неумолимой болезнью продолжается. И человек побеждает. Киев.

Александр Бойченко принят в Союз советских писателей Украины. Теперь он работает над второй частью трилогии.

Полночь человека с неумолимой болезнью продолжается. И человек побеждает. Киев.

Александр Бойченко принят в Союз советских писателей Украины. Теперь он работает над второй частью трилогии.

Полночь человека с неумолимой болезнью продолжается. И человек побеждает. Киев.

Александр Бойченко принят в Союз советских писателей Украины. Теперь он работает над второй частью трилогии.

«Город стоял на границе»

6 сентября на заседании областной комиссии ЦСП обсуждался исторический роман Н. Строчковского «Город стоял на границе». Тема романа — мужество русских людей, защищавших Псков от интервентов.

Стефан Баторий, польский король, честолюбивый и ловкий авантюрист, мечтавший о покорении Руси и Турции, в 1581 г. с многочисленным войском подошел к Пскову. Двадцать недель испович вели ожесточенную борьбу с врагом и вышли из этой борьбы победителями.

В обсуждении приняли участие А. Караваев, З. Давыдов, К. Иванова, Н. Москвина, Л. Субоцкий. Выступавшие отметили, что Н. Строчковский взята интересная и малоразработанная тема. Такие образы, как Стефан Баторий, подросток Игнашка и его приятель Демка, нарисованы автором с своеобразием и глубиной. Хороши в романе картины второго приступа, вылазка за закон и некоторые другие батальные сцены. Существенны и недостатки романа.

Главный воевода Шуйский и воевода Хвостинин в большинстве сцен показаны только как военачальники, другие их жизненные интересы едва намечены. Недостаточно ясно охарактеризованы социальные противоречия эпохи Ивана IV. Испания, не имеющие прямого отношения к развитию действия, придают роману монотонность.

Роман Н. Строчковского, нуждающийся еще в доработке, может стать интересным явлением советской литературы.